

У ИСТОКОВ «ТИХОГО ДОНА»

Лет пятнадцать назад на прекрасном видом раскинувшимся под нами могучего Дона с затопленным на другом берегу лесом.

— Вот под тобой, — говорил Лосев, — кругой, восьмисаженный спуск, замешанные меловые глыбы, а вдали по косогору — Германский шлях, склон к которому на разливе дорог 1913 года была поставлена дедом Захарием часовенка над могилой Валета. А погляди на юг — меловая хребтина Белой горы — все, как в «Тихом Доне»! Но все это, так сказать, декорантураж. А главное, народ. Кого в Калининском могут назвать, как предтечу Гришка Мелекова? А никого! — Харлампий Ермаков. Вот его курень. Харлампий дел привел себе жену из тургены, которая родила ему сына Василия-турка. Что? Как это вам правится? Но у калининцев же ни одного казака-турка и в заводе не было. Наш Харлампий, черный, горбоногий, красивы и взбалмошный, ушел на парскую службу. Но на германском фронте заслужил четыре креста Георгия, стал хорунжим. В революцию примкнул в Каменской к Поптевому. Мы избрали его в Базах ревкомом. Был он Ермаков, рядом с Подтевловым, когда тот зарубил кулачно-палаца Черновца. А позже принял к белым. И был свидетелем казни отряда под командой Ермакова. А позже, в Вешенском восстании 1919 года, командовал полком, а затем конной дивизией. Вскоре у него тут, в Базах, умерла жена... Он пригнулся к себе сестру милюседину и отступил с нею на Кубань. В Новороссийске сдали красным, на верное, скрыл свои грехи по восстанию. На Польском фронте в 1-й Конной командовал эскадроном, затем полком. После разгрома Бранделя Буденый назначил Ермакова начальником кавказской в Майкопе. Вот она, какая панда из бычка...

— Наивный ты человек, — наступал Лосев. — Да ведь это же писательская хитрость, чтобы ты писавшая братия, не докунали его родных героям. Да. Только поэтому. Ну, а что в том Калининском курорте есть?

Да ничегошеньки. А у нас все приметы налило, и главный герой романа Гришка Мелеков — нам рожок, опять же и Прохор Зыков, знаменитый ординарец Мелекова — налипинский казак Яков Пятников, который вам может сообщить очень многое. Выйдем во двор, я покажу в окрестности, я вам покажу и подворье Мелекова...

По кривым улицам мы пошли ко двору с покосившимися курачами на крутом берегу. Помнишь, начало «Тихого Дона», продолжал Лосев. — «Мелековский двор — на краю курорта...» Так вот тут Ермаков Харлампий Васильевич, послуживший, по словам Шолохова, предтечей Гришка Мелекова... Обойдем по прудочку к самой крите. — Я последовал за неугомонным стариком и был поражен необычайно

дат с контурами судьбы с ним недели две спустя в доме колхозника станицы Кашары.

— Я это говорю к тому, — подтвердила Погреб, — чтобы приоткрыть самое важное: что «Тихий Дон» мог быть написан и был написан только в Башкирии! Всмитеитесь, как глубоко он вооруженными казаков. Но Ермаков обнял шапку...

И я тоже... Казаки расступились... Мы отошли к своей сестре. «Пон-коны» — закричал Ермаков и повел хуторян в Базы. А на развалке дорог отпустил всех по домам, и сам со мною помчал в Краснинку...

Иakov Fedorovich Piatnikov рассказал много интереснейшего из жизни и небывалого Харлампия Ермакова и довершил сказку:

— Шолохов уважал и ценил моего командира. Привез Шолохов к Харлампию Васильевичу. Ни

и подало они беседовали. Все, конечно, о войне германской и гражданская. Ну,

моему командиру было что вспомнить и рассказать... Имел Ермаков от Шолохова книжечку его рассказов и письма. В однажды показывал мне.

— Письмо? Это верно?

— Вот крест, — сказал Пятников. — Писал из Москвы Шолохов, что нужен ему Харлампий Васильевич. По

длну. По какому? В однажды мой командир сказал, что все большие его.

Имел Ермаков от Шолохова книжечку его рассказов и письма. В однажды показывал мне.

— Кого же это было?

— Да Ермаков и Подтевлов, — продолжал Пятников.

Встретились в упор. Это белые вели Подтевловы и Краснинка через толпу к яме, где начали расстрелять отряда. Сбоку Подтевловы были

Спирidonовы и Сенин с огнемишишими шашками. И Подтевлов, узев Ермакова, на

звал его Иудой... Ермаков

имя тоже отвечал что-то

грозное. Но когда Спирidonов крикнул Ермакову: «Давай своих казаков-охотников!»

Это значит, кто хочет

сам стрелять красных... Ермаков крикнул: «Нету у меня палачей-охотников!»

А тут вдруг второй залп. Тут же, в двадцати шагах. Боже мой, что там творилось! И схватил Ермакова на

запястья, гад, а то мы и тебя в эту яму скинем. Задержите его! — махнул рукой на

М. А. Шолохов подтвердил

П. П. Погреб

— Да, — ответил Погреб.

— Так давно, что уже в

очах темно... Наверное, в го-

ду 1925 или 26...

Утром я уговорил шоферов, который без меня, завернувшись в Кашар в Пономарев. Но

на морозе сковал дорогу, мы вскоре прибыли к скромному обелиску на братской могиле подтевловцев.

Вторм, обнявши головы, —

— Погодите три минуты в молчании. Затем я попросил Пятникова показать, хотя бы

примерно, где же тут встретились в последний раз Ермаков и Подтевлов. Старик

осмотрел по сторонам, вы

меряя шагами расстояние от могилы, перекрестился, взял

из-под ног щепотку земли со снегом, положил себе за воротник рубахи и со слезами

в очах, сказал: «Вот отсюда

и началась дорога моего неизвестного командира Ермакова на Голгофу! Как же она

была горька и тягостна — не

приведи господе ее кому другому!»

Шли годы... Однажды и

М. А. Шолохов подтвердил

П. П. Погреб

— Да, — сказал Погреб.

— Так вот я тебе скажу, — продолжал Погреб.

— Шолоховский «Тихий Дон»

образно говоря, врос в землю

и вспыхнул краснинским

и спирidonовским

и каскадом

и